

**СТРАТЕГИИ ВЫДЕЛЕНИЯ СМЫСЛОВОГО
ПОЛЯ КОНЦЕПТА «АРХАИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ»
(К. МЕГРЕЛИДЗЕ И О. ФРЕЙДЕНБЕРГ)**

События русской истории начала XX века и резкая смена мировоззренческой направленности в сторону марксизма поставила многих исследователей перед трудным вопросом осознания новой идеологической концепции. Любое переломное время отражается и в когнитивных стратегиях, выдвигая как доминанту спорные и неоднозначные гипотезы, которые в дальнейшем забываются и уходят на второй план. Смутность ситуации революционных потрясений, ее зыбкость и неопределенность, требовали исторических аналогий как способа осмысления и переживания настоящего. Это стремление проявилось не только в акцентировании социальных вопросов, но и всего комплекса проблем, связанного с изучением человека в контексте порождаемой им культуры [1]. Именно в это время наметилась положительная тенденция – отделить задачи и результаты исследований происхождения языка и сознания, стоящие перед гуманитарными дисциплинами, от методов и задач других наук, прежде всего от психологии, рефлексологии, физиологии. Изучение становления архаического сознания и инкорпорированность его характеристик в культурных формах может быть разделено на несколько уровней осмысления. Прежде всего, это изучение внутренних особенностей архаического сознания на основе противопоставления рациональному или логическому мышлению современности, предпринятое исследователями «мифологической» школы в конце XIX века. Эта стратегия базировалась на анализе как материальных, так и мировоззренческих этнографических данных традиционных культур. Одновременно возникает направление в лингвистике, опиравшееся на выявление особенностей и закономерностей языковых трансформаций в древнейших письменных и фольклорных источниках (работы Ф.И. Буслаева, А.Н. Афанасьева, А.А. Потебни, А.Н. Веселовского). Архаическое сознание рассматривалось только в контексте «мифотворчества» и ритуализации. Обе эти стратегии не выходили за рамки конкретного материала и не выявляли имманентных механизмов единого процесса культуругенеза. Только в результате всесторонних исследований психических и нервно-физиологических процессов в психологии и физиологии наметилась еще одна стратегия, а именно сравнительный анализ особенностей архаического сознания и особенностей развития ребенка (онтогенез) и изменений сознания при патологических заболеваниях человека (Пиаже). Перечисленные стратегии подготовили теоретическую и фактологическую базу для дальнейших научных исследований представителей историко-культурного направления в России. Работы русских ученых первой трети XX в. – Н.Я. Марра, К.Р. Мегрелидзе, И.Г. Франк-Каменецкого, О.М. Фрейденоберг, И. Иоффе оставались долгое время не востребуемыми и только в последние два десятилетия приковывают внимание специалистов. В трудах именно этих исследователей намечается еще лишь в предварительных набросках системный и семиотический анализ культурных феноменов. Прежде всего, это проявляется в стремлении выявить внутренние механизмы архаического мышления через процесс осознания и формирования первых представлений и отражения их в конкретных материальных и мировоззренческих формах. Тем самым архаическое мышление начинает рассматриваться с точки зрения единой взаимосвязи языка, мышления, социальной и производственной сферы. Между тем задача эта оказалась настолько трудна для решения и принятия научной мыслью, что до сих пор не удается выйти за рамки упрощенного понимания первобытности и тотального мифологизаторства архаического сознания. Современные исследования механизмов культурных процессов опираются в основном только на анализ исторических источников, начиная с античности и заканчивая современностью, оставляя в стороне начальный период культуругенеза. Особенно данная тенденция проявляется в общих работах по культурологии и истории культуры, где этому периоду уделяется несколько общих страниц [2].

Сегодня, когда многие исследования первой половины XX века получают новое осмысление и интерпретацию, когда переиздаются (неизданные и неизвестные ранее) работы и архивные материалы тех лет, необходимо вновь обратиться к научным идеям русских ученых первой трети XX в. Поэтому, актуальным является анализ идей К. Мегрелидзе и О.М. Фрейденоберг [4]. Оба исследователя опираются как на работы западных исследователей (антропологической школы – Г. Спенсера, Тэйлора, Фрэзера; французской социологической школы – Дюргейма и Леви-Брюля), которые явились определенным толчком в развитии и оформлении направления связанного с изучением особенностей и выделения стадий архаического сознания в русской науке, так и на работы русских исследователей.

Проблемное поле: На первых же страницах К. Мегрелидзе выделяет два возможных подхода к рассмотрению вопроса о становлении и развитии первобытного сознания – терминологическую и сущностную (проблемную). Он подчеркивает, что поиски терминологических эквивалентов (*participation mystique*, *prelogique* и т.д.) затрудняют решение поставленной задачи, часто являясь лишь внешней стороной проблемы [3]. В своем исследовании он использует два термина для характеристики архаического сознания: «примитивное» и «магическое». Первый, безусловно, понимается им как древнейшая стадия формирования человеческого мышления, второй связывается с качественной характеристикой архаического сознания, а именно с развитием ирреальных представлений и образованием конкретных феноменов культуры. Даже в работе, посвященной полемике с Леви-Брюлем, он не останавливается на терминологических разногласиях, а предпринимает попытку вычленения спорных, но значимых сущностных вопросов в изучении первобытного мышления [5].

Фрейденоберг, осознавая всю терминологическую трудность в применении существующих научных понятий для описания сложного процесса культуругенеза, также не стремится выработать новые термины, а с оговоркой применяет старые, не всегда точно раскрывающие ее мысль [6]. «Вся наша беда в том, что мы

говорим и мыслим общими, абстрактными понятиями, которые сами по себе неверно обобщают разнородные явления ('государство', 'народ', 'демократия' и т.д.), – обобщенно говорим и мыслим об исторических явлениях глубоко своеобразных», замечает исследовательница [7]. Терминологическая ошибка сопутствует и употреблению таких понятий, как «образ» и «понятие». Смысловое наполнение этих терминов в различные периоды было отличным, это следует учитывать в научном дискурсе, так как «...процесс взаимосвязи образа и понятия идет и внутри античных периодов. Мифологический образ начинается в античности как низшая форма мышления, а кончается благодаря понятию в виде поэтического образа – как высшая. Понятие, начавшись в античности как высшая форма мышления, в формальном логизме может закончиться как низшая» [8]. Поэтому исследовательница в своих работах постоянно уточняет значение важных и неоднозначных терминов, используя оговорки и «стадиальную» характеристику – до-метафора, до художественный, до литературный феномен.

Проблемное поле обоих ученых маркируют разные полюса смыслового поля концепта «архаическое сознание». Однако в их взглядах много общего. Для К. Мегрелидзе сущностный подход возможен только в контексте изучения социальных изменений, которые, как он считает, являются доминантными в становлении человеческого типа мышления. Подробно останавливаясь в отдельных главах на роли выделяемых им социальных факторах, трудовой жизнедеятельности, материальной культуре, К. Мегрелидзе, однако, четко локализует границы рассмотрения вопроса – «не история стадиального развития мышления, а лишь основные вопросы социологии мышления». Вопрос о стадильности или этапности рассматривается им как вторичный и зависимый от дифференциации типов мышления и изучения механизмов трансформации. Это исследовательская стратегия отличает К. Мегрелидзе от взглядов О. Фрейденберг. Исследовательская стратегия или «оптика» О.М. Фрейденберг оформилась уже в ранних работах [9]. Изучение конкретного литературного материала античности привели ее к пониманию необходимости расширения рамок литературного анализа при решении вопросов теоретической поэтики, что определило широту и многообразие ее научных интересов. Обращая внимание на структуры жанра и сюжета, соотношения мифологии и литературы, происхождения ритмики и поэтического языка она в своих работах применила методiku выявления семантических взаимосвязей как словесных, так и не-словесных культурных форм и наметила пути изучения единой семантической почвы архаического сознания. «Не религия, не фольклор сам по себе, не сам мифологизм служили моей мишенью, а та стихия конкретности и конкретных смыслов, которая управляла античной, художественной мыслью», пишет она позднее [10]. Фрейденберг широко пользуется термином «тотем». И всю первобытную систему мировоззрения она называет «тотемизмом», но она использует термин «тотемизм» для обозначения древнейшей образной системы осмысления мира независимо от наличия у того или иного народа тотемной организации.

В результате в проблемном поле концепции О.М. Фрейденберг может быть выделено три исследовательские стратегии. Первое направление связано с изучением вопроса происхождения и становления мифологического и отождествляющего образного первобытного сознания. Основной задачей здесь является вычленение и изучение формирующихся элементарных «клеток» или «микров» смысла. Второе направление связано с изучением сложного переходного периода, строящегося на переосмыслении предшествующего мифологического материала, но еще не преодолевающего его. О.М. Фрейденберг именует этот этап «фольклором». Третье направление научного анализа маркируется вопросами взаимодействия истории и культуры, поиском универсальных механизмов изменений культурных форм и когнитивных стратегий. Таким образом, если К. Мегрелидзе рассматривал становление первобытного сознания из социо-культурного пространства, опосредованного им и выделял значение факторов сознания, то Фрейденберг исследует обратный процесс, как отражается способ мышления на формировании социо-культурного пространства; изучает взаимосвязь факторов и фактов культурогенеза и фактором культурогенеза определяет специфику семантического поля архаического сознания. Для Мегрелидзе стадильность вторичное явление, для Фрейденберг лишь аналитическая схема, но переходы или сдвиги в способе метафоризации и способе мышления имеют существенное значение. Общим и важным в работах обоих исследователей является выделение способа архаического сознания как начальной точки социо-культурогенеза.

Разработка метода: Границы проблемного поля требуют разработки особого метода исследования, позволяющего охватить в единстве весь сложный «историотворческий процесс развития человечества». Осуществить поставленную задачу, по мнению К. Мегрелидзе, невозможно методами отдельных гуманитарных дисциплин и в рамках одного конкретного метода, будь то типологический или сравнительно-исторический или лингвистический. К. Мегрелидзе настаивает на рассмотрении сложных факторов генезиса сознания только в едином комплексе, в неразрывной связи друг с другом, как некое целое, влияющее и обуславливающее взаимно друг друга. Вычленение и актуализация комплексного подхода позволяет впервые в русской науке поставить на рассмотрение столь важную и сложную проблему и, пожалуй, не решенную до сих пор, как взаимодействие отдельных дисциплин, в рамках которых накапливаются данные о факторах исторического и социального развития, прежде всего это – философия, психология, история материальной культуры, лингвистика. Вместе с тем, необходимость выделения гуманитарных наук в единый блок, стимулируется в это время не только развитием социологии и проблем социализации, но и акцентированием роли культурных процессов. Таким образом, изменяется исследовательская стратегия – не общекультурное является фрагментарным планом выражения психического, а человек рассматривается, прежде всего, как субъект культуры (как системы или как той или иной исторической традиции).

Поскольку основной вектор всех исследований О.М. Фрейденберг характеризует ее устремленность на изучение именно проблемы происхождения культурных явлений или форм, то уже в самых ранних работах

она дает определение своему методу исследования – «генетический». Однако это не значит, что метод постулирует лишь наличие некоего «первичного» феномена культуры, останавливаясь на его описании и постепенном развитии. Для О.М. Фрейденаберг генетический метод необходим и разрабатывается ею для выявления скрытого потенциала любой культурной формы, отраженного в «факторе», который, оформляясь в конкретном явлении или «факте», начинает функционировать в культуре. Фрейденаберг сознательно берет многочисленные исторические и языковые факты, казалось бы, не связанные друг с другом, стремясь показать именно аморфность и пестроту культурных форм, «археологию мысли», «стратиграфию» перекомпоновки смыслов.

Факторы сознания и факторы культуригенеза: Развитие психологии и физиологии привели к крайним стремлениям объяснить все процессы человеческой деятельности через рефлексы. Однако, по мнению К. Мегрелидзе, «человеческое сознание относится не к области естественной истории, а к области собственно истории и потому требует к себе другого подхода, иных приемов и способов изучения, чем те, которые применяются к поведению животных» [11]. Учитывая позитивную роль работ представителей школы гештальтпсихологии в критике натуралистического подхода, Мегрелидзе, придерживаясь марксистской точки зрения, настаивает на том, что действительными факторами, формирующими человеческий способ сознания, являются социальные условия и социальные отношения. К этим важнейшим социальным процессам он относит следующие факторы в истории развития человеческого общества: возникновение трудовой деятельности, орудий труда и всей совокупности материальной культуры, язык и мышление. Он отмечает то, что человек в своем мышлении и в своих поступках руководствуется не только существующей ситуацией, но и мыслимой, и воображаемой, поэтому утверждение, что поведение всецело определяется объективными отношениями вещей, объективной структурой поля, в котором сознание находится, верно, лишь отчасти. «Наступление определенного решения есть, следовательно, функция не только от расположения объектов, но и от предрасположения субъекта, т.е. состояния самого сознания» [12]. Роль психических процессов значима (как и у Л.С. Выготского), но они подчинены не только внутренним, естественным законам, но опосредованы историческими трансформациями, следовательно, среда, в которой приходится действовать субъекту, является не только природной, но социальной и культурной. Таким образом, целесообразно не противопоставление природного и культурного, не подчеркивание оторванности одного от другого, а изучение культуры как иной формы бытийственности, а, следовательно, постулирование изоморфизма природных и культурных структур. Субъект не отделим от смыслового потенциала культуры, также как и от природных оснований и рассмотрение процессов становления сознания, возможно, вести только из социокультурного пространства.

Разбирая основные положения представителей различных научных направлений, которые исходили из наличия факторов, имманентных сознанию, из законов и категорий самого сознания, Мегрелидзе формулирует положение, что «факторы, образующие те или иные определенные способы мысли и причины, движущие сознанием людей, следует искать не в самом мышлении, а вне него, в объективной социальной действительности» [13]. Выделение факторов сознания позволила исследователю подробнее проанализировать взаимодействие и влияние каждого из них на генезис сознания. Он отмечает важность движения мысли и ее переход во внешнюю действительность, и обратно, т.е. обработку вещи и ее поднятие до ступени идеи, и выделяет с его точки зрения единственный путь, по которому могло утверждаться и расти человеческое мышление. «Мысль пробуждается мыслями. Работа мысли начинается при встрече со смысловыми отношениями» [14]. Смысл выявляется и объективируется в результате апперцепции (зависимость восприятия новых предметов и явлений от уже имеющихся знаний, прошлого опыта), обретая в когнитивном акте дискретную форму. Выделение смысла как специфического состояния находит отражение в образовании специфических, культурных кодов (знаки, символы). Коммуникативным полем, где закрепляется код как самостоятельный элемент и является язык, поэтому не только орудия труда являются медиаторами между человеком и объектами воздействия, создавая мир культуры, но и язык как способ наречения. Способ осознания и способ наречения связаны между собой посредством практической деятельности, самим мышлением и речью. Предметный мир формирует и новые социальные отношения обмена, распределения, договора, отчуждения и т.д. Начальной точкой отсчета, по мысли ученого, является разрыв в естественных отношениях, благодаря которым и возникает человеческая ступень сознания, человеческий способ мышления [15]. «Сознание, которое существует и на животной ступени развития, но не играет там главенствующей роли, так как все жизненные отношения происходят на основе биологических законов наследственности и приспособления и протекают, как естественные процессы постепенно приобретает доминантное положение и определяющую роль в поведении субъекта» [16]. Коммуникативные стратегии определяются через содержание отношений между индивидуумами в отличие от непосредственных инстинктивных отношений между животными. При разрыве естественных уз, связей, когда утрачивается единственная связь через инстинкты, соединяющих организм с природой и с другими организмами, тогда общение становится проблемой и появляется потребность в нем [17]. Причиной разрыва, распада органического единства субъекта со средой, по мысли Мегрелидзе, выступает усложнение и дифференциация трудовой деятельности. Медиатором же является применение продукта труда и оформление предметного поля культуры. Функции сознания изменяются после разрыва, именно сознание должно «взять на себя задачу связи со средой и ориентации субъекта».

Мегрелидзе выделяет проблему опыта и его результатов на примере ирреальных (магических) представлений. Сознание выбирает из множества данных и событий именно бессмысленные, т.к. объективный состав и строение опыта не дает различия реальных причин от нереальных и мнимых. («Почему оно поставило улов в зависимость от игры теней на стене, а не от лая собаки или покотившейся звезды?»). Когда опыт не препятствовал и позволял строить бессмысленные связи, там и возникают нереальные представления, поэтому и «традиционные объекты культа могли стать универсальными агентами и укорениться в сознании. Вместе с

тем, используя данные опыта, и изменяя те или иные связи и принимая другие, сознание остается все-таки в сетях нереальных связей и сопоставлений, ибо именно способ мышления остается прежним. По мнению исследователя, причина этого находится «в условиях жизни и данных мышления, в материале осмысления, т.е. в определенном строении опыта».

Выступая против одностороннего и безоговорочного утверждения, что мышление первобытного человека подчинено только «закону партиципации» и располагает «коллективными представлениями», Мегрелидзе рассматривает процесс образования культовых объектов как универсальных агентов различных явлений. Подчеркивая, не коллективность представлений, а их традиционность, он намечает новое направление вектора изучения, акцентирующее выделение культурной составляющей когнитивного процесса. Культовые объекты и позволяли мыслить любую вещь виновником любой другой вещи и события, в этом заключена их универсальность, тем самым определяется роль закона переноса, который выявляет механизм вычленения еще одного способа мышления. Присутствие ирреальных представлений – это не пережиток прошлого, а наличие двух форм мышления. Он подчеркивает, что «эти два типа мышления, две мыслительные структуры существуют рядом и одновременно друг с другом, стало быть, постольку же существуют факторы и объективные условия, поддерживающие как один способ мысли, так и другой, прямо ему противоположный, что наблюдается и в мышлении современного человека» [18]. Таким образом, два типа мышления могут существовать вместе, а значение опыта и практики человека отражается в том, что ирреальный (магический) тип мышления наблюдается только в определенных сферах деятельности и локализуется вокруг определенных предметов (комплекс охотника, игрока), там, где люди подвержены капризу случая, воле случая. На стадии первобытного общества господствует образное (мифологическое, или по Мегрелидзе – магическое) мышление, охватывая всю область мышления; на современной стадии практическое.

В истории развития сознания не совершался постепенный переход из одной формы мысли в другую, поэтому интересен вопрос о пограничных случаях, т.е. трудно определяемых как магические или реальные (лягушки квакают – это к дождю), или реальные события могут восприниматься как магические. То обстоятельство, что мы можем говорить о неверности заключения, об ошибке, свидетельствует о реальном плане мысли, так как при магическом типе мышления не существует никаких ошибок [19]. Одна мыслительная структура не переходит в другую, а развитие или трансформация происходит в результате того, что мышление отбрасывает магические формы и способы и строит мыслительные контексты в ином плане, переводя действительное развитие к реальному мышлению. Поэтому борьба между двумя способами мысли заключается не в эволюции одного типа мышления в другой, а в том, что один из них, в той или иной области деятельности и практики, получает перевес и вытесняет противоположный способ мысли. Весь ход рассуждений приводит К. Мегрелидзе к необходимости вывести религиозные верования из магического типа мышления, а логическое, абстрактное мышление – из реального, что акцентирует факт существования преемственности в развитии мышления. Преемственность возникает в результате изменения социальных условий ставящих непривычные задачи и новые проблемы. Сознание будет пытаться осмыслить новый материал старыми навыками, терпя неудачу до тех пор, пока условия не «навяжут», не обучат новому способу «мыслесложения», разбивая старые, традиционные. «Таким образом, объективный состав задач, встающих перед сознанием, объективное строение опыта является одним из решающих факторов в формировании способов мышления» [20].

Смысловым фактором человеческого сознания, следовательно, выступает мир представлений, определяющий объективное содержание сознания. Впервые автор выделяет механизм оформления или репрезентации сознания через идеаторное содержание сознания (способность сознания творить и воспроизводить идеи), которое оформляется в языке. Язык как фактор генезиса сознания маркирует, по мнению К. Мегрелидзе, качественную ступень, позволяющую оформиться образному мышлению. Образное мышление же не есть застывшая и неизменная характеристика архаического сознания, оно отражает степень восприятия и способность представлений на первой стадии осмысления мира. Разное содержание сознания формирует способность к появлению «репродуктивных образов». Именно репродуктивный образ создает возможность самостоятельного целеполагания. Важен сам механизм развития и закрепления способности сознания к возникновению репродуктивного образа. Материальный предмет не дан индивиду в готовом виде, а лишь задан ему. В процессе постоянного воспроизводства он «включивается» или закрепляется в сознании человека. Воспроизводится не только предмет, но с ним и представление о нем, а этому способствует образование первых элементов языка. «Процесс репродукции мысленного содержания делается беглым, сознание освобождается от тирании сенсорного поля, приобретает свободу воображения» [21].

Процесс оформления образного мышления через семантизацию и метафоризацию был детально проанализирован О. Фрейденберг. В основе образа лежит, как считает исследовательница, «некий смысл, некое осмысление действительности; форма образа придает этому аморфному смыслу выраженность, обнаруженность, концентрацию» [22]. Поэтому центральной и отправной точкой всей ее концепции является понятие «образа», как моделирующего явления целостной семантической системы первобытного мышления. Поскольку смысл, закрепленный архаическим образом, изменяется и меняет в свою очередь образную систему, то процесс осмысления окружающего мира и первых культурных феноменов связан со становлением смыслогенеза. Безусловно, для Фрейденберг смысл образа был связан и со становлением знака как кода семиотического процесса, хотя она не оговаривала отдельно эту проблему. Но Фрейденберг дифференцирует древнейшие образные характеристики от общих особенностей первобытного мышления. Среди всех характеристик она выделяет основную отличительную черту архаического образа, а именно его не выраженность, проявляющуюся в не полной оформленности и четкости (в отличие от конкретности архаического сознания), так как, выразительность древнейшего образа существует в сознании человека не в отдельных качественных

характеристиках, а в множественности повторений. Отсутствие метаопозиции или не четкой проявленности и формирует специфический прафеномен, первичный или, по Фрейденберг, «архаический образ» [23]. Только с оформлением архаического образа статичность представлений продуцирует механизм распада, следовательно, одновременно динамику культурных явлений. Архаическое сознание на начальной стадии не адекватно осознает действительность, так как не вычленяет условности культурных феноменов, воспринимая их как безусловные, поэтому безусловное понимание онтологически не определено. Специфика динамических взаимосвязей образа и его форм не выделяет первичность или вторичность одного и другого, а маркирует принцип параллельности развертывания различных явлений. Однако взаимная перекомпоновка содержаний и форм не остается статичной, а имеет свои характерные фазы. Фрейденберг выделяет мифологический или архаический образ с существованием «до-метафор», затем метафоры, маркирующие перенос значения, и только в дальнейшем поэтическую метафору, этим этапам метафоризации соответствует и изменение самого древнейшего образа. Следовательно, изменения семантической системы моделируют циклы смыслогенеза. Первый цикл может быть определен как состояние целостного апофатического переживания или в современной терминологии «синкретизис» [24]. Когда смысловые структуры сращены с базовыми мыслеформами, образуя целостный ментально-культурный феномен. Процесс ассимиляции новых смысловых элементов синкретическим целым, характерный для первой «тотемистической» стадии позволяет смыслам функционировать внутри этого целого, не создавая семантических альтернатив, но постепенно, на втором этапе, раскальвающийся слитный комплекс.

Следовательно, распад мифологической образной системы сопровождается вторжением элементов реализма, которые вступают в противоречие с выработанными образами, что в свою очередь и приводит к значительным столкновениям, оформляющимся в дальнейшем в новой форме реалистического мышления – фантастике. В возникновении этого явления (фантастики) из своей противоположности (реализма), как и на других примерах, О.М. Фрейденберг выделяет один из механизмов культурогенеза. Она совершенно справедливо, и, пожалуй, впервые отделяет мифологические представления от фантастических, так как в этом различии отражается проблема взаимосвязи реалистических представлений и сознательного вымысла, каким в дальнейшем становится фантастика [25].

Оптика исторического процесса скрывает сложный механизм своих трансформаций, поэтому, отталкиваясь от рассмотрения изменений культурных феноменов, в отличие от Мегрелидзе, выделявшего факторы становления человеческого сознания, Фрейденберг концентрирует свою исследовательскую мысль на характеристике следующей оппозиции – культурных фактов и факторов. Критически оценивая данную методологическую тенденцию современной ей науки (теория господства «рудиментов и пережитков»), О.М. Фрейденберг стремится через обобщение уже накопленных материалов (фактов) к вычленению трансформационных доминант (факторов). Выделяя внешние и внутренние факторы, она сосредотачивает свое внимание на анализе внутренних факторов изменений культуры. «...Каждое явление совершает круговорот двух противоположных фаз, которые и дают своим противоположением общность последовательного хода. Этот круговорот заключается в переходе факторов в факты, а фактов – обратно, в новые факторы. Эти переходы в своей внутренней механике совершают те же самые процессы, что и во внешней. Они обусловлены тем же перемещением скрытий и единообразий выявления и многообразия, покоя и общности в движение и отличие. Каждый такой переход представляет собой отдельный и законченный процесс растворимости формы, т.е. постепенного стремления как можно больше распространиться и выйти из состояния замкнутости и предела» [26].

Статичность оформленных фактов нарушается интенциональным каналом культуры, проявляясь в семантических переосмыслениях. Поэтому «переключение функций, переход форм, перевозникновение качеств и основных принципов» могут быть выявлены в предшествующих феноменах, в частности античности, только при анализе содержательных «за-предельных» изменений. Тем самым факты опосредованы процессом формообразования, а факторы – циклами смыслогенеза. Основным внутренним фактором становления культуры по Фрейденберг является особый строй или специфика осмысления архаического сознания, проявившиеся в возникновении образной системы. К внешним факторам можно отнести, например, заимствования и влияния, однако, анализируя феномен традиции и роль догреческого субстрата, Фрейденберг пишет, что традиция не складывается благодаря заимствованиям (это важный, но внешний фактор), она идет изнутри народа, «подобно всему живому, складывается в результате соединения исконного с чужеродным», и культура и этнос разнокачественны по происхождению.

Анализ концептуальных положений Фрейденберг позволяет выделить следующие механизмы трансформаций и образования культурных феноменов начальных этапов культурогенеза опосредованных архаическим сознанием:

- 1) механизм переоформления семантического поля, закрепленный большим законом семантизации.
- 2) механизм выделения культурного явления из противоположного
- 3) механизм двойного функционирования явления и «явления до-явления»
- 4) механизм существования в «синкретической» целостности одновременных параллельных процессов формации формы и содержания, смысла и структуры.
- 5) механизм «кругового» функционирования одних и тех же смыслов, разрывающий замкнутую систему и моделирующую открытость как мышления, так и культуры как системы.

Следовательно, Фрейденберг противопоставляет свое понимание культуры телеологизму. Ни культура в целом, ни отдельный частный феномен не содержат в себе внутренней цели развития. Развитие происходит путем своеобразного развертывания содержаний семантической системы, осмысляемых в зависимости от конкретного исторического периода.

В понимании образа как сложного и многоуровневого явления К. Мегрелидзе выделяет кроме репродуктивной характеристики еще и наличие «внутреннего образа» (сравни с внутренней речью у

Выготского), который непосредственно связан с предметным содержанием. «Объект есть тело мысли», [27] так как человеческое сознание, располагая свободно воспроизводимыми образами и представлениями, не ограничено непосредственно сенсорным полем настоящего момента. Таким образом, Мегрелидзе выделяет главное отличие сознания человека от животного в свободном идеаторном содержании сознания (примеры из патологий потерь памяти). Однако независимость идеаторности сознания является лишь кажущимся фактом. Внутренний мир представлений и идей изменяется социальными и культурными условиями, он «квази-самостоятельный». Противоречие в рассмотрении вопросов взаимодействия и взаимовлияния труда на развития мышления, и возникновение труда из мышления, также как «порочный круг» языка и свободного воображения разрешается автором в результате целостного рассмотрения этого круга вопросов. Каждое из этих образований немислимо без других, одно порождает другое, взаимно образуя целое. Именно выделение различных факторов сознания, их взаимного влияния на внутренние и внешние процессы формирования способов сознания, а также предварительная попытка очертить механизмы трансформации мышления, позволяют К. Мегрелидзе сформулировать универсальные характеристики сознания человека.

1. Мышление человека – это, прежде всего осознание, воспроизводство идей и образов в мыслях. Механизм осмысления осуществляется в результате перестройки поля сознания, т.е. выделяется какая-то часть этого поля (предмет), в начале аморфный, не имеющий качеств, в дальнейшем он приобретает смысловое строение.

2. В самом содержании сознания выделяется определенный фокус, вокруг которого строится все поле сознания. Идея или понятие представляет собой именно это перестроенное поле (когнитивный сдвиг в концепции Фрейденберг).

3. Роль и осознание посредника (медиатора), который становится средством осознания других объектов, орудием операции субъекта в познании, удлиняя радиус деятельности и умопостигаемости человека.

4. Усложнение форм построения посредующих образований в виде ряда вещественных приспособлений (материальной культуры), размещаемых субъектом между собой и основным объектом цели. В сознании это выражается в построении воображаемого ряда, составление мыслительного контекста, как проекта или программы действия.

Таким образом, анализ факторов у К. Мегрелидзе может быть рассмотрен в двух аспектах. Во-первых, признавая наличие двух факторов генезиса мышления человека: психического и социального, он выделяет доминантным именно социальный, понимая под ним как социальные условия, так и социальные отношения. Во-вторых, он выделяет факторы, оформляющие само социальное пространство – это орудия труда и трудовая деятельность, материальная культура, язык и мышление. Изучение взаимоотношений между факторами второго уровня позволяет выделить механизм функционирования двух типов (способов) мышления – ирреального (образного и мифологического) и практического. Механизм заключается в коммуникативной функции опыта и развитии проективной и идеаторной функции сознания, которые маркируются развитием языковых процессов. В результате развития (усложнения) данного механизма (процесса), происходит не только дифференциация социальных отношений (обмена, распределения, отчуждения и т.д.), но и оформление культурного пространства путем, как последующей объективации материальной культуры, так и трансформации смыслового моделирования культурных кодов. Тем самым, создается единая социокультурная среда, которая опосредует дальнейшее развития типов мышления.

Если К. Мегрелидзе видит причину первичного распада синкретиза в усложнении трудовой деятельности, то Фрейденберг связывает этот процесс с трансформацией семантической системы. Первая фаза архаического мышления для Мегрелидзе – магическое мышление, а для Фрейденберг – «тотемистическое», имеют определенную смысловую непрозрачность и ирреальность, что приводит их к одной мысли о том, что смысл – это код, отразившийся в языке, материальной культуре и действенных актах. Оба исследователя выделяют образное мышление и его репродуктивную способность как качественную характеристику архаического сознания. Самое, пожалуй, оригинальное заключается в том, что оба мыслителя приходят к одному выводу, что процесс изменения способа мышления совершается не эволюционно, а за счет реструктуризации и вытеснения, но не исчезновения предыдущих элементов, а усложнения всего процесса, поэтому пусковым механизмом является ошибка. Только Мегрелидзе относит возникновение ошибки к появлению двух планов в мышлении – реального и ирреального, а Фрейденберг идет дальше и относит это явление уже к механизму всей системы семантизации. Здесь уместно провести еще одну параллель уже с современным французским исследователем М. Фуко, который в одной из своих работ пишет: «И если допустить, что понятие является ответом, который сама жизнь, дала на эту случайность, то приходится признать, что ошибка есть корень всего того что, собственно, и конституирует человеческую мысль и ее историю. Тогда и сама оппозиция истинного и ложного и придаваемые тому и другому значения, равно как и та власть, которую различные общества и институции приписывают этому различию, – все это быть может, есть лишь последний по времени ответ на эту, внутренне присущую жизни возможность ошибки» [28].

Таким образом, изучение специфики архаического сознания раскрывает возможности для решения всего комплекса проблем социокультурогенеза.

Примечания:

1. Показателен выход в 1928 г. научного журнала «Человек», под. Ред. Акад. С.Ф. Ольденбурга. Целью журнала было отражать современное состояние науки о человеке. В нем печатались статьи по эмбриологии, генетики и евгеники, физиологии, этнической антропологии, палеонтологии, материальной и духовной культуре, языкознанию, географии и демографии.

2. Исключением являются работы М.С. Кагана и А.Д. Столяра.

3. К.Р. Мегрелидзе родился в 1900 г. в Грузии, в 1923 г. закончил Тбилисский университет. В 1923-1927 гг. учился в Германии, слушал лекции Гуссерля и Макса Ветгеймера во Фрейбурге. С 1932 г. работал в Институте языка и мышления АН СССР в Ленинграде. Был заведующим национальным отделом Публичной библиотеки в Ленинграде. При жизни вышло три статьи. Основной труд «Основные проблемы социологии мышления» был отпечатан в 1938 г., но не вышел. Погиб в 1944 году. Его брат Иосиф Мегрелидзе сохранил труд, впервые работа вышла в 1965 году. Шесть лет (1926-1932) Фрейденберг сотрудничала с секцией семантики мифа и фольклора при институте языка и мышления. В 1932 г. возглавила первую в СССР кафедру классической филологии в ЛИФЛИ (впоследствии филологический факультете ЛГУ), сотрудничала в научных учреждениях (ИЛЯЗВ-ИРК-ЛНИИ). В 1935 г. защитила докторскую диссертацию. Опубликовано при жизни – одна монография и 20 статей. В архиве 8 монографий и около 30 статей. Война в осажденном Ленинграде, до 1950 г. заведует кафедрой. Уходит на пенсию, пишет «Образ и понятие», 6 июля 1955 года О.М. Фрейденберг скончалась. (Брагинская Н. Предисловие к первому изданию. Миф и литература древности. С.736)

4. К.Р. Мегрелидзе. Основные проблемы социологии мышления. М., 1965. С.14.

5. К.Р. Мегрелидзе. О ходячих суевериях и «пралогическом» способе мышления. (Академику Н.Я. Марру) М.-Л., Изд. АН СССР, 1935. С.461-496.

6. В частности уже тогда она считала не уместным применение термина «матриархат». (Введение в теорию античного фольклора, с.102.)

7. Там же, с.11.

8. Там же, с.23.

9. См. Фрейденберг О.М. Три сюжета или семантика одного // Язык и литература. V, 1929. С.33-60; Также: Терсит // Яфетический сб. VI, 1930. С.231; Слепец над обрывом // Язык и литература. VIII, 1932.

10. О.М. Фрейденберг. «Введение в теорию античного фольклора», с.10.

11. К.Р. Мегрелидзе. Основные проблемы социологии мышления. М., 1965 С.21.

12. Там же, с.30.

13. К.Р. Мегрелидзе. О ходячих суевериях и «пралогическом» способе мышления. (Академику Н.Я. Марру) М.-Л., Изд. АН СССР, 1935. С.495.

14. К.Р. Мегрелидзе. Основные проблемы социологии мышления. М., 1965. С.132.

15. Ср. с гипотезой «родовой травмы» Ранке.

16. Там же, С.49.

17. Там же, С.48.

18. К.Р. Мегрелидзе. О ходячих суевериях и «пралогическом» способе мышления. (Академику Н.Я. Марру) М.-Л., Изд. АН СССР, 1935. С.481.

19. Пример: если амулет не действует, это значит, что другой противоамулет уничтожает его магическую силу, или сам он потерял ее.

20. Там же, с.488.

21. К.Р. Мегрелидзе. Основные проблемы социологии мышления. М., 1965. С.53.

22. О.М. Фрейденберг. «Введение в теорию античного фольклора». С.27.

23. Совпадает с мыслью Леви-Брюля о непроявленности первобытного мышления.

24. Пелипенко А.А., Яковенко И.Г. Культура как система. М., 1998. С.20

25. Об этой проблеме пишет М.И. Стеблин-Каменский (Стеблин-Каменский М.И. Заметки о становлении литературы (К истории художественного вымысла) // Проблема сравнительной филологии. М.-Л., 1964.

26. Фрейденберг О.М. Система литературного сюжета. Подг. текста Н.В. Брагинской. Монтаж: Литература. Искусство. Театр. Кино. М., 1988. С.216.

27. К.Р. Мегрелидзе. Основные проблемы социологии мышления. М., 1965. С.54.

28. М. Фуко. Жизнь: опыт и наука // Вопросы философии. №3, 1993. С.43-53(52).